

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	6
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	63
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	79
Глава 13	84
Глава 14	89
Эпилог	94

ПРИЛОЖЕНИЯ

Прошение Андрея Чикатило о помиловании	96
Последнее интервью Чикатило	98
Феномен Чикатило	103
Перспективный портрет Чикатило	113
Консультативное заключение психиатра по уголовным делам об убийствах детей и женщин в г.Ростове-на-Дону и Ростовской области в период 1982-1984 гг.	118
Письмо Чикатило в редакцию газеты «Аргументы и факты» (1-я неделя января 1993 года)	128
Приговор по делу Андрея Чикатило	130
Библиографические источники	382

Выражаю признательности Илоне Балашовой, Евгении Скржинской и Михаилу Сесинскому драгоценную помощь в подборке документов, необходимых для написания этой книги.

Автор

Вступление

И октября 1992 года, Ростов-на-Дону. После шести месяцев тягостного судебного разбирательства, во время которого отвращение часто заглушало ужас, уголовное отделение областного суда вынесло, наконец, приговор по делу Андрея Чикатило, пятидесяти шести лет, обвиненного в совершении за двенадцатилетний период пятидесяти трех особо жестоких убийств, сопровождавшихся актами садизма, некрофилии и каннибализма; Жертвы: дети и подростки, как мальчики, так и девочки, а также женщины.

Начиная с 15 апреля того же года Ростов, город на юге России, обычно мирный и спокойный, привлек внимание значительной части населения бывшего Советского Союза и многих людей за рубежом. Не только российское телевидение, но и CNN и иные западные информационные каналы регулярно передавали через спутниковую связь репортажи из зала суда.

Иностранные съемочные группы, записывающие на улицах комментарии своих хроникеров, в Москве давно примелькавшиеся, стали привычными и здесь. За время процесса Ростов перестал ощущать дефицит общения со столичными средствами массовой информации. И даже куда-то исчез вечно недовольный, видимо, тоскующий по прежнему режиму, поборник законности, который ранее донимал журналистов вопросом:

— У нас есть разрешение снимать?

В плохо проветренный с никудышной акустикой зал заседаний на сто мест набились газетчики, фотографы, операторы, родственники потерпевших, сотрудники милиции, врачи (во время процесса случилось немало обмороков) и любопытные, по большей части студенты расположенного поблизости института. На чтение приговора объемом в триста пятьдесят страниц ушло ни много ни мало два дня. И более двух часов зачитывали список жертв, перечисляли обстоятельства убийств. Заключение в железной клетке, подсудимый чем-то напоминает Ганнибала Лектора из «Молчания ягнят». Однако сходство ограничилось лишь наличием клетки. Чикатило не обладал сардоническим достоинством, каким наделил своего Томаса Харриса режиссер Энтони Хопкинс. Высокий, тощий, нескладный, с изуродованным ненавистью лицом, он размахивал руками, кривлялся и выкрикивал, обращаясь ко всем без разбора и перемежая ругательства с бессвязными фразами:

— Это не я!.. Я не крал линолеум!.. Я признался под пыткой!.. Меня накачали наркотиками... Да здравствует свободная Украина!

Но глаза, скрытые за стеклами очков для близоруких в толстой пластмассовой оправе, смотрели безразлично и невыразительно, словно он сам не верил в то, что говорил. Впрочем, большую часть времени подсудимый вполне адекватно отвечал на вопросы, которые ему задавали, а когда принимался рассуждать, то вполне логично.

С самого начала процесса демонстрация безумия была для него единственным способом защиты. Психиатры признали его ответственным за совершенные им действия, но сомнения, естественно, оставались. Дело не только в том, что экспертизы проводились сотрудниками знаменитого Института общей и судебной психиатрии имени Сербского, известного главным образом тем, что в брежневские времена там объявляли сумасшедшими диссидентов. В разговорах и комментариях то и дело возникал вопрос: как поверить в то, что человек, способ-

ный совершить хоть одно из тех преступлений, от которых стыла кровь в жилах присутствовавших в зале, психически здоров?

Однако все были убеждены, что его безумие, если допустить наличие такового, не имело никакого отношения к той комедии которую он разыгрывал. В какой-то момент он начал притворяться, будто не понимает по-русски, не знает языка, на котором говорил с детства и даже когда-то его преподавал. Он изъяснялся на смешанном русско-украинском наречии и требовал присутствия переводчика. Он также потребовал, чтобы его защищал адвокат, принадлежащий к РУХу, украинскому националистическому движению. Чикатило в самом деле был украинцем. До распада СССР это не имело ровно никакого значения: у каждого была национальность (русский, белорус, латыш, еврей, армянин, таджик и так далее), но советское гражданство преобладало над всем остальным, и повсюду, кроме разве что самых отдаленных уголков страны, говорили по-русски. Теперь все изменилось: население новых независимых республик еще не рассматривалось как иностранное в полном смысле слова, и свободное передвижение было гарантировано, но незамедлительно возникли некоторые проявления антагонизма.

Чего добивался Чикатило, заявляя о своем украинском происхождении? Хотел ли он завоевать симпатии соотечественников? Конечно нет. Кто, далее в самых экстремистских кругах украинских националистов, захотел бы связываться с подобным человеком? Впрочем, нет полной уверенности в том, что он действительно пытался прикрыть свои преступления национальной борьбой, в которой никогда не участвовал.

Чикатило изображал перед судом и сексуального маньяка. Вдруг потребовал заменить секретаршу суда:

— Ее декольте меня возбуждает. Я чувствую влечение. — И немедленно спустил штаны.

Председатель суда, судья Леонид Акубьянов, вынужден был вывести его из зала.

На следующий день секретарша явилась застегнутая до самого подбородка, несмотря на жару (40°С в тени). Это ничего не изменило: Чикатило еще много раз спускал штаны, причем умудрялся снимать их даже со связанными за спиной руками. Естественно, его снова вывели из зала.

В другой раз он закричал:

— Я больше ничего не скажу, я чувствую, что груди у меня набухают. Я вот-вот должен родить!

При таких обстоятельствах нет ничего удивительного в том, что судья Акубьянов с облегчением закрыл заседание. Он пристально посмотрел на заключенного, сидевшего в своей клетке, и произнес:

— Чикатило Андрей Романович, решением суда вы признаны виновным в совершении пятидесяти двух убийств и приговариваетесь к смерти через расстрел. Вы располагаете недельным сроком для того, чтобы подать кассационную жалобу.

Эти слова были встречены громкими криками «ура!». Студенты расположенного по соседству института забирались с ногами на скамьи, чтобы получше разглядеть, как Чикатило закатит новую истерику.

— Для этого чудовища одной пули* мало! — крикнул кто-то. — Надо бы всадить в него пятьдесят две, по одной за каждую жертву!

В действительности он не был признан виновным в совершении одного и з убийств за отсутствием улик. Была установлена его виновность в смерти двадцати одного мальчика, четырнадцати девочек и семнадцати женщин. Зато суд отверг версию помешательства, отметив, что обвиняемый адекватно реагировал па происходящее, а его метод защиты был точным и продуманным.

После того как был произнесен приговор и охранники увели Чикатило, судья устроил пресс- конференцию с целью извлечь урок из этого процесса. В частности, он сно-

* В самом деле, никто не вызывает подразделения для расстрела. Со сталинских времен за выражением «расстрел» скрывается вполне прозаическая пуля в затылок.

ва вернулся к мысли, которой дорожил и которую уже не раз высказывал:

— Чикатило вовсе не преступник мирового значения, напротив, это незначительное и жалкое создание.

Через несколько дней, 21 ноября, Юрий Антонян, юрист, специализирующийся на серийных убийствах и автор труда на эту тему, даст интервью газете «Правда», в котором также назовет Чикатило «жалким неудачником» и воспользуется для определения английским словом looser.

Но судья так продолжал свою речь:

— Исключительный характер этому делу придает лишь число жертв убийцы и его очень долгая «преступная карьера». Собственно говоря, следственным органам, которые в течение двенадцати лет многократно привлекали Чикатило к ответственности, чтобы вскоре после по его отпустить, следовало бы вынести нори.ми 11 некомпетентность и халатность...

По залу пробежал одобрителный ропот. Милицию (это советский, ныне российский, эквивалент нашей полиции) в прессе ругали. Она не только позволила Чикатило продолжить свою преступную деятельность, хотя он пребывал в ее руках еще в начале своего кровавого пути допустила, чтобы вместо него был казнен невинный.

Сидевший в уголке журналист что-то записывал.

— Нет, — шепнул он одному из коллег. — Не только милиция виновата. Ответственность лежит на всех нас. Чикатило — настоящее порождение нашей системы.

17 октября «Комсомольская правда», бывший орган Коммунистического союза молодежи, газета, ставшая в 1989—1990 годах, в поворотный период демократизации, одной из главных опор реформ, подхватила ту же мысль. Юрий Беспалов, ее специальный корреспондент в Ростове, писал: «Чикатило намекал на своего рода сверхъестественную предопределенность своей криминальной карьеры. Но я сильно опасаюсь, что колдовство не имеет ко всему этому никакого отношения. Он был воспитан этой страной и впитал ее жестокость и абсурдность...»

Наверное, журналист лучше судьи понял истинную причину медлительности следствия. Не имеет значения, было «ростовское чудовище» жалким типом или нет. Важно то, что на полгода он сделался зеркалом, в котором с ужасом увидело себя современное российское общество.

В этом феномене нет ничего особенно удивительного. Во все времена отдельные уголовные дела выходили из тесных рамок судебной хроники и заурядных ужасов повседневности, чтобы выявить проблемы и тревоги общества в целом. Обычно именно такие случаи сохраняет История, предпочитая их прочим, возможно, более значительным, но менее символическим.

Естественно, впечатляющий характер серийных убийств и атмосфера психоза, которую они нередко создают, способствуют тому, что они оказываются в центре всеобщего внимания. Болезненная притягательность, которой обладают в глазах публики те, кого англосаксы называют *serial killers* (серийные убийцы), объясняется, должно быть, тем, что подобные преступления не каждому по силам совершить. Любой человек может вообразить себя в шкуре убийцы, но мало кто способен отождествить себя с убийцей-садистом и рецидивистом.

Более того, поскольку политический и социальный контекст это позволяет, вопросы, которые мы задаем себе насчет мотивов действий преступника, неизбежно приводят к обвинению породившего его общества.

Так, международная известность Джека-Потрошителя*, несомненно, менее всего объясняется числом его жертв (пять, может быть, шесть проституток), а порождена ходившими в те времена слухами, догадками о личности преступника: ему приписывали родство или близость к королевской семье, называли имена сэра Уильяма Гулля, личного врача королевы, и герцога Кларенса, старшего сына принца Уэльского. В благочестивой атмосфере викторианской Англии отвратительные преступления, совер-

* «Джек-Потрошитель» Сфетана Бургуэна

шавшиеся в простонародных кругах столицы, с легкостью могли быть (и были) использованы в качестве оружия политической пропаганды. Неспособность Скотленд-Ярда обличить преступника, конечно, способствовала тому, что Джек-Потрошитель стал героем легенды, но не в том была изначальная причина его известности.

Анри-Дезире Ландрю*, казненный в 1922 году за убийство десяти женщин и одного мальчика, также стал заметным явлением своего времени. Возможно, это произошло из-за его любопытной концепции роли женщины: он жил тем, что грабил свои жертвы, и это вполне могло выглядеть карикатурным символом социального положения, против которого выступали феминистские лиги.

То же самое можно было бы сказать о деле Петио, неотделимом от реалий периода оккупации. Как не увидеть в преступлениях этого врача-выродка, убивавшего ради того, чтобы ограбить тех людей, которых обещал провести в свободную зону, примитивно зловещего исполнения вишистских законов о конфискации имущества депортированных лиц.

В течение семидесяти лет советские люди видели себя лишь через кривое зеркало того режима: героический избранный народ, обязанный, по заветам марксистско-ленинского учения, построить коммунистический рай на земле. В целях пропаганды заявлялось, что правонарушения и преступления как следствие развращенности общества при капитализме существуют лишь на Западе. В 1981 году, в то самое время, когда Чикатило уже начал свою «преступную карьеру», советская пресса активно откликалась на злодеяния серийного убийцы, свирепствовавшего... в Атланте, в Соединенных Штатах.

О том, что происходило в СССР, знали лишь по слухам. В Москве ходили разговоры о человеке, который представлялся газовщиком, чтобы проникать в квартиры, насиловать и убивать одиноких женщин. В провинциаль-

* «Господин Ландрю» Кристиана Гоисатча.

ном городке распространялись вести о маньяке, разрезавшем свои жертвы на кусочки и подбрасывавшем эти жуткие «головоломки» под стоящие машины. Но все оставалось непроверенным, и каждый мог уговаривать себя, что это всего лишь выдумки, вроде сказок о людоедах, какими пугают детей.

Сегодня легенды уступили место реальности, и все мерзости, какие власть так долго скрывала во всех областях жизни, проявились. Дела, подобные истории Чикатило, обнажили пороки старого режима. Предлагаю вместе отправиться по следу Андрея Романовича Чикатило — «ростовского чудовища».

Глава 1

После того как был объявлен приговор, охранники отвели бьющегося в истерике обвиняемого в тесную подвальную камеру здания суда — дожидаться отправки в тюрьму. Вскоре он перестал вопить и дергаться, успокоился. О чем он думал? Может, о том, что завтра, 16 октября, ему исполнится 56 лет и смертный приговор прозвучал накануне его дня рождения?

К этому времени у него не оставалось сомнений в том, что казнь будет совершена, хотя Марат Хабибулин, назначенный адвокат, защищавший его по долгу службы и не испытывавший к нему ни малейшей симпатии, обнадеживал подзащитного. Однако Чикатило догадывался: приговор суда пересмотрен не будет, помилованием не заменят пулю в затылок на заключение в лагере строгого режима. Впрочем, для него попасть в исправительную колонию было бы хуже смерти: заключенные, точно так же, как и в других странах, очень не любят убийц детей, да к тому же еще и педофилов.

О чем еще мог он думать в фургоне, который увозил его в камеру смертников? О семье? О жене Фене (ему нравилось называть ее Фенечкой) и о детях? При помощи

властей они смогли сменить фамилию, переехать в другой город, начать новую жизнь, чтобы избежать позора, оскорблений, издевательств или просто жалости доброжелателей. Конечно, фамилию Чикатило теперь носить было очень тяжело.

А может быть, трясясь и подсакивая на ухабах, сидя лицом к лицу с явно презиравшими его охранниками («Жалкий», — сказал о нем председатель суда), он вспоминал мгновения своего могущества, когда жизнь жертвы держалась на острие его ножа?

Чикатило обладал феноменальной памятью: во всех подробностях помнил убитых. Во время следствия он приводил милиционеров на места преступлений, совершенных за несколько лет до того, и с точностью до нескольких десятков шагов показывал, где закопал тело. Вспоминая о своих преступлениях, начинал дрожать, но не от страха или раскаяния, а от вожделения.

* * *

Все происходило так просто: девочка-подросток, немного растерявшаяся у выхода из здания Ростовского аэропорта. Явно ребенок из приличной семьи, хорошенькая, чистенькая, нарядно одетая. Только никто ее не встречал, и она тревожно озиралась кругом. Чикатило прекрасно умел использовать ситуацию: догадавшись, что ей нужна остановка автобуса, ласково предложил.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Девочка посмотрела на высокого худого человека с невыразительным лицом. Обыкновенный дедушка с коричневым портфелем в руке. Разве можно было предположить, что в этом портфеле среди газет и прочих бумаг, в том числе — фотографий членов Политбюро, лежат кухонный нож, веревки и баночка с вазелином?

— Я еду к сестре в Шахты. Не знаю, где останавливается автобус.

— Мне в ту же сторону. Только я собирался взять такси. Если хочешь, поедем вместе, так будет проще.

«Взять такси» означало стоять у обочины и ждать, пока остановится какая-нибудь машина. Автомобилисты охотно подрабатывали, подвозя пассажиров.

— Пошли, дорога там.

Чтобы оказаться в нужном месте, надо было пройти через небольшой лесок. Чикатило решительно двинулся в путь: главное — не дать девочке времени на размышления! Он даже не обернулся, настолько был уверен, что она послушно пойдет вслед за ним к рожице, откуда ей уже не суждено выйти

А сестра напрасно дожидалась ее на автобусной остановке у своего дома.

* * *

Может быть, в камере смертников, куда его грубо втокнули охранники, Чикатило вспомнил и того мальчика, которого заметил однажды у газетного киоска в Новошахтинске. Мальчик разглядывал почтовые марки.

— Так легко узнать, о чем думает ребенок... — объяснял потом на следствии Чикатило.

Он подошел поближе, притворился, будто изучает витрину, затем обратился к мальчику:

— Смотри-ка, появилась новая серия с космонавтами. Вот эта марка, за пятнадцать копеек, очень хорошая. Ты собираешь коллекцию?

— Да.

— А как тебя зовут?

— Петя.

Вот и все, диалог завязался. С чего бы мальчику опасаться этого довольно-таки пожилого дяденьки с большим портфелем в руке? Чикатило, работавший воспитателем в профессионально-техническом училище, умел вызывать к себе доверие.

В тот день он не сразу повел свою жертву в один из тех многочисленных лесочков, какие бывают в новых районах на окраине любого российского города. По причине, ведомой лишь ему самому, он назначил Пете свидание вечером, пообещав принести интересную книгу. Должно быть,

мальчик мечтал об этой книге: устремившись навстречу своей судьбе, он по пути встретился со своим дедом:

— Эй, внучек! Куда это ты так спешишь?

— Все в порядке, дедушка, — ответил тот на бегу. — Я скоро вернусь.

И, пока не стемнело, никто даже не беспокоился. Петя Кашников был таким осторожным, таким умным мальчиком... Кто бы мог подумать, что он вот так опрометчиво доверится злодею? Его в конце концов после долгих поисков нашли в лесу. Страшно изуродованный труп был в пятидесяти четырех местах проткнут ножом.

* * *

Случалось, дело шло не так гладко, и ему приходилось долго искать подходящую жертву. Разумеется, всегда оставались нищенки, бомжихи или дурочки, которые соглашались последовать за ним на воображаемую дачу. Она и в самом деле когда-то у него была, но это чуть было не стоило ему разоблачения... Не следовало совершать там первое убийство. Лесная чаща куда надежнее! Впоследствии дача стала удобным предлогом для того, чтобы заманить жертву в безлюдное место. Русские обожают эти постройки в деревнях или посреди леса, часто приглашают к себе друзей.

— Поедем ко мне на дачу, хорошо проведем время!

В покачивающемся вагоне пригородной электрички Ростов—Шахты девушка взглянула на него оценивающе.

— А ты заплатишь?

— Разумеется.

Поначалу он вроде бы не убедил ее, но вскоре взгляд его спутницы изменился. Он без труда отгадал ход ее мыслей: у этого высокого, седого, унылого типа, который годится ей в отцы, должно быть, есть чем расплатиться.

— Бутылку поставишь?

— Конечно, за кого ты меня принимаешь?

Он немало повидал таких бедолаг, готовых отдаться за стакан водки. Во время процесса судья Акубьянов спросил у него:

— Подсудимый, как вам удавалось уговорить женщину последовать за вами в безлюдное место?

— Уговорить? Да надо было только пообещать бутылку!

Девушке из электрички было не больше-семнадцати лет. Он едва не проворонил ее, еще немного — и вернулся бы ни с чем. Он прочесывал вагоны, разгоряченный, как бывало всегда, когда отправлялся «на охоту». И наконец, углядел ее в тамбуре между двумя вагонами. Заурядная молодая девчонка, не слишком опрятная, с грязными рыжими волосами. Типичная бродяжка. Наверное, сбежала из дому. Она курила, прислонившись к двери.

Он мгновенно успокоился и смог завязать разговор. Возбуждение не покидало его лишь до тех пор, пока он не находил добычу. После этого он действовал холодно и расчетливо.

Они вышли на станции Казачьи Лагерь. Пассажиры видели удаляющуюся фигуру вполне обычного человека с коричневой сумкой или портфелем в руке; с ним рядом — молодая девушка. Они шли не меньше четверти часа, пока не достигли подлеска. А потом...

Труп Ольги Куприной, забросанный желтыми листьями и комьями влажной земли, был обнаружен в полутора километрах от станции. Тело буквально изрешечено ножевыми ударами. У девушки были отрезаны язык и один сосок, изуродован низ живота.

* * *

Мальчика Алешу он встретил в видеосалоне. В 80-е годы советские люди открыли для себя видеоманитофоны. Наиболее предприимчивые и располагавшие достаточными средствами устраивали у себя полуподпольные залы, где крутили западные фильмы. Наибольшим успехом пользовались «Рэмбо» с Сильвестром Сталлоне и, конечно же, эротические фильмы. Последние отличались, главным образом, тем, что обещали куда больше, чем по-

казывали, и Чикатило не составило труда уговорить Алешу прийти к нему:

— У меня такой фильм есть, закачаешься!

Под предлогом того, что такой путь короче, он повел мальчика на кладбище...

На заседании суда он рассказал совершенно невероятную историю:

— Несколько лет назад я вырыл там для себя могилу — хотел покончить с собой...

— Почему же ты этого не сделал, сволочь? — выкрикнул кто-то из зала.

— Время от времени я ходил проверять, на месте ли она.

Он затащил туда мальчика, толкнул его, повалил на грязную землю. Несмотря на хилый вид, Чикатило обладал поразительной физической силой, вроде тех тощих и узловатых портовых грузчиков на Среднем Востоке, о которых и не подумаешь, что они могут поднять громадные тяжести; в юности одноклассники прозвали его «Акдрей-сила».

— Ну и что вы сделали дальше?

— Я пырнул его ножом. Потом потребовал, чтобы он высунул язык. Зубами оторвал от него кончик. Когда я наносил ему несильные удары по животу, у меня произошла эякуляция. После того как убил его, я вспорол ему живот и отрезал половые органы...

После этого он спрятал труп ребенка в могиле, которую предназначал для себя самого.

Алешу нашли только через три месяца...

* * *

Марте было за сорок. Во время следствия и на суде Чикатило говорил о ней так, словно они встречались накануне. Она была выпивши. Рассказывала ему про своего деда, известного ленинградского профессора. Он повел ее в парк.

На суде он охотно вспоминал:

— Когда она упала, я бросился на нее, сорвал одежду. Я несколько раз ударил ее кухонным ножом, и... у меня

был оргазм. Затем опустился на колени и продолжал вспарывать ей живот. Я вырезал половые органы и молочные железы. Мне кажется, я их грыз... Проглотил соски...

Тяжелое безмолвие зала оборвал глухой звук — какая-то женщина упала в обморок. Стали перешептываться, будто это мать жертвы, но никто не знал точно. Вызвали врача.

— Я тоже был санитаром! — крикнул Чикатило. — Я очищал общество от грязи.

Со скамей, где сидели родные убитых, раздались гневные крики. Председателю стоило большого труда навести порядок. Когда шум, наконец, стих, преступник продолжил свой рассказ, сопровождая его множеством подробностей. Казалось, описывая убийства, он испытывал то же садистское наслаждение, какое получал, совершая их.

— Я стал плясать от радости, носиться вокруг трупа и разбрасывать ее одежду по веткам деревьев...

* * *

Сумасшедший? Возможно. Впрочем, поначалу следствие действительно искало подозреваемого среди обитателей местных психиатрических клиник. Но Чикатило, в отличие от душевнобольных, старательно уничтожал все улики, стараясь не оставлять ни малейшего вещественного доказательства.

Во время следствия психиатры установят, что он использовал свой нож как субститут пениса: хотя Чикатило и не был настоящим импотентом, все же с большим трудом достигал эрекции. Тогда он всем телом наваливался на жертву и наносил множество ударов ножом в грудь и шею, что было для него садистской имитацией полового акта. Экспертизы покажут также, что он калечил еще живых людей. Едва жертва переставала биться под ним, он спешил погрузить руки в се внутренности.

По мнению психиатра Александра Бухановского, который частично принимал участие в расследовании, вид и вкус крови возбуждали Чикатило и позволяли ему дос-